

Толстого о переломѣ, совершившемся въ немъ въ эпоху написанія „Исповѣди“. Отрывокъ изъ дневника — прекрасное доказательство той мысли, которую мы и отстаиваемъ въ нашемъ очеркѣ, — что проповѣдническая дѣятельность Толстого — явленіе не новое, не плодъ неожиданныхъ переломовъ, а прямое развитіе основныхъ настроеній Толстого, намѣчавшихся еще въ дѣтствѣ и вполнѣ созрѣвшихъ въ 27—28-лѣтнемъ молодомъ человѣкѣ.

„Громадная мысль“ о созданіи новой религіи лежала подъ спудомъ около двадцати лѣтъ, отодвинутая въ глубь сознанія цѣлымъ рядомъ вѣнчанихъ событий въ жизни Толстого. Прежде всего Толстой былъ, наконецъ, захваченъ потокомъ общественныхъ событий. Онъ дѣлается мировымъ посредникомъ, что вызываетъ только конфликты съ помѣщиками, доносы на Толстого и, въ концѣ концовъ, наездъ жандармовъ, которые, въ отсутствіи Толстого, рылись въ его бумагахъ, читали его письма и дневники. Это нарушение неприкосновенности жилища вызвало въ Толстомъ страшное негодованіе противъ администраціи. Въ Толстомъ заговорилъ старый баринъ, аристократъ, къ которому въ былое время исправникъ безъ разрѣшенія не смѣлъ явиться во дворъ...

Для характеристики Толстого болѣе цѣнна дѣятельность его по яснополянской школѣ. Здѣсь, какъ и всегда, Толстой выступаетъ вполнѣ самобытно и вопреки установленвшимся взглядамъ. Онъ оспариваетъ преимущества звукового метода и стоитъ за старый; но еще болѣе оригинально проявляетъ онъ себя въ школѣ, какъ педагогъ-анахистъ. Въ противуположность старой бюрократической школѣ, построенной на принципѣ повиновенія, дисциплины и полнаго умерщвленія въ дѣтяхъ самодѣятельности и духомъ свободного развитія способностей, Толстой строитъ школу на принципѣ полной свободы дѣтей и ихъ умственной самодѣятельности. Толстой учитель — не руководитель, а только другъ и совѣтникъ дѣтей. Въ школѣ нѣть обязательныхъ часовъ занятій, нѣть задаванія на домъ, нѣть вообще уроковъ, обязательныхъ предметовъ, нѣть усилий направить дѣтское вниманіе на какую нибудь продолжительную работу. Дѣтская мысль прыгаетъ съ вопроса на вопросъ, а учитель пассивно устремляется за ней по волѣ дѣтей. Въ классѣ полный безпорядокъ. Кто лежитъ на полу, кто сидитъ, кто нависъ надъ плечомъ учителя. Идетъ непринужденная бесѣда... Но вотъ занятія надоѣли, или вдругъ въ дверяхъ появится мальчуганъ и крикнетъ, не обращая никакого вниманія на учителя: „ребята, ай-да въ баню“ и школа вдругъ пустѣеть. Учитель не успѣваетъ даже закончить послѣднюю фразу...

Нечего, конечно, и доказывать, что такая школа, совершенно отрицающая порядокъ, дисциплину воли и мысли, въ концѣ концовъ надлежащей пользы принести не могла-бы. Задача воспитанія и образованія не только приобрѣтеніе знаній, изученіе которыхъ должны быть вполнѣ систематич-